

Поляков А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА

(Текст доклада на методологическом семинаре «Проблемы современного правопонимания». СПб.– Пушкин, 11-13 октября 2006 г. (См.: <http://www.centerj.ru/metyur/pushk06.htm>). Печатается с небольшими сокращениями и дополнениями)

Изучение истории правовой мысли дает основания предполагать, что идеи, близкие к коммуникативному правопониманию, сложились уже в дореволюционном российском правоведении и продолжили свое развитие в правовой мысли русского зарубежья. Весомый вклад в развитие этой проблематики сделали ученые Петербургской школы философии права (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич). Но немалые заслуги принадлежат и Московской школе (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, А.С. Яценко, С.Л. Франк, Н.Н. Алексеев).¹ Складывается такое впечатление, что сегодня уже зарубежная теоретико-правовая наука озабочена поисками такого правопонимания, которое соответствовало бы коммуникативной парадигме, постепенно формирующейся в постклассической гуманитаристике. Такой поиск можно рассматривать как ответ на новые реалии, начинающие доминировать во всем мире. Эти во многом про-

тиворечивые процессы именуют глобализацией, информационной революцией, становлением мультикультурализма и т.д. Они заставляют по-новому осмысливать такие понятия как суверенитет государства и суверенитет права, права и свободы человека, транснациональное право и способы его защиты. В зарубежной науке эта проблематика все чаще рассматривается сквозь призму теории социальных коммуникаций. Например, последний конгресс Международной ассоциации по философии права и социальной философии (IVR) проходил в 2005 г. в Испании и был посвящен теме «Право и справедливость в глобальном обществе». В августе 2007 г. в Польше пройдет очередной конгресс IVR на тему «Право и правовая культура в 21 веке: разнообразие и единство». Основные сюжеты этих мировых форумов – рассмотрение права в контексте правового плюрализма и, соответственно, поиск «полицентричных» теорий права, с доминирующей идеей имплицитной коммуникации; теорий, призванных прийти на смену традиционным «моноцентричным» правовым подходам, в рамках которых государство выступает единственным и абсолютным творцом права.²

* Текст доклада на методологическом семинаре «Проблемы современного правопонимания». СПб.– Пушкин, 11-13 октября 2006 г. (См.: <http://www.centerj.ru/metyur/pushk06.htm>). Печатается с небольшими сокращениями и дополнениями.

¹ См. об этом, напр.: *Поляков А. В.* Теоретико-правовой ренессанс начала XX в.: Основные школы и направления; Правовые учения «Русского зарубежья» // История политических и правовых учений. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та. Издательство юридического факультета. – СПбГУ, 2007. – С. 714-837.

² См.: Law and Justice in a Global Society / Ed. Escamilla M., Saavedra M. – Granada, 2005; <http://www.uj.edu.pl/ivr2007>. Коммуникативный подход начинает проникать и в отраслевое юридическое знание. О коммуникативной интерпретации международного права см., напр.: *Мережко А. А.* Введение в

Адекватная этим запросам времени правопонимание должна основываться на современном социогуманитарном знании, на новых идеях, получивших свое признание в науке. Использование такого рода теоретических инноваций не обязательно связано с тотальным отрицанием всего, что было сделано в науке ранее. В постклассической науке новое видение права не может строиться на идеи противопоставления «истинной» научной конструкции и «ложной». Основная задача скорее будет заключаться в том, чтобы занять стратегически наилучшую позицию наблюдателя, ту «командную высоту», которая позволит видеть и описывать право во всей его многогранности, в наиболее широкой перспективе. Это позволит считать классические правовые теории частными случаями, пригодными для объяснения правовой реальности, но лишь в специфических условиях места и времени и под определенным углом зрения (точно также и теория относительности не отменяет законов механики, а лишь показывает их недостаточность для решения сложных проблем).

Новые идеи в сфере современного социогуманитарного знания давно уже обсуждается не только в отечественных научных монографиях, но отражены даже в студенческих учебниках, причем в учебниках по всем отраслям научного знания, кроме юриспруденции. Отечественная же юридическая наука проявляет в этом вопросе незаурядный консерватизм. Причем те немногие ученые, которые рискуют обсуждать подобные идеи и использовать их в своих теоретических построениях, рискуют попасть в разряд маргиналов, творцов юридических химер, разрушителей отечественной науки и т.д., что также отнюдь не способствует ее адекватному развитию.

Между тем, обращение к современным философским представлениям о гуманитарном знании давно уже имеет место в зарубежном правоведении. Все современные теории права инициированы современными же идеями, возникшими в философии, социологии, психологии и т.д. Нашим же правоведам даже не обязательно обращаться к зарубежным гуманитариям за теоретической поддержкой, поскольку аналогичную работу (во многом, правда, вторичную) давно уже делают российские ученые, однако эти наработки до сих пор юристами не используются.¹

философию международного права. Гносеология международного права. – Киев, 2002. – С. 89–93.

¹ См., напр.: Наука глазами гуманитария. – М., 2005; Субъект, познание, деятельность. – М., 2002, Лекторский В.А. Эпистемология классическая и не-

Новые идеи, закрепившиеся в гуманитарных науках, позволяют существенно скорректировать наши представления о социальной реальности. Главное здесь, по-видимому, то, что социальная реальность рассматривается как продукт человеческих коммуникаций. Например, известный отечественный философ Л.А. Микешина в ряде своих работ выделяет такие специфические черты гуманитарного знания, без учета которых невозможна современная наука, как направленность знания на различные тексты (сама социальная реальность выступает здесь как текст), «субъектность» такого знания (субъект «включен» в объект) и его (знания) ценностные составляющие.² Эти характеристики социального знания имеют не только эпистемологическое, но и онтологическое значение, и в таком контексте выражают идею социальной коммуникации в ее феноменолого-герменевтической интерпретации.³ Коммуникация – своего рода «атом» социальности. Социальное всегда опосредуется текстами как знаковыми системами. Текст изначально предполагает наличие субъектов, способных понимать смысл и ценность таких текстов (интерпретировать их) и взаимодействовать между собой на основе полученной информации. Если это происходит, значит, коммуникация состоялась. Рискну высказать мысль, что вне коммуникации социального вообще не существует.

Один из примеров коммуникации – лекция. Если студенты понимают то, что говорит лектор, можно говорить о наличии коммуникации. Лектор создает определенные речевые тексты, студенты их воспринимают, интерпретируют, оценивают, делают для себя определенные выводы. Другой пример: в ту же аудиторию входит пожарник и требует, чтобы все покинули зал ввиду возгорания здания. В данном случае для возникновения социальной коммуникации недостаточно понимания смысла высказывания. Только если само требование покинуть здание будет выполнено, будет иметь место не информационная только,

---

классическая. – М., 2001; Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2003 и др.

² См., напр.: Микешина Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. – № 1. – С. 49–66.

³ Ср.: «...В любом случае науки о культуре и духе сохраняют... свои особенности – существование в виде текстов и языковых игр, осуществление познания «изнутри объекта», неотъемлемую ценностную составляющую знания и познавательной деятельности, субъекта в единстве ценностей и свободы в контексте неограниченной коммуникации и интерсубъективности» (Там само. С. 66).

но и социальная коммуникация. Таким образом, коммуникация ведет от текста через его легитимацию к действию. Она включает информационный и поведенческий аспекты как своего рода причину и следствие.¹ Коммуникация, следовательно, представляет собой замкнутый цикл и есть целостность, порождающая другую коммуникативную целостность. Коммуникация – это не факты–вещи, а процессы–события.

Если социальное репрезентируется через тексты как связанные знаковые системы, то это изначально предполагает наличие субъектов, способных понимать смысл и ценность таких текстов (интерпретировать их) и взаимодействовать на основе полученной информации.

Применимость этой идеи к праву можно пояснить через развернутый комментарий к одному известному положению, сформулированному основоположником общей семантики Альфредом Кожибским. Одним из ключевых фреймов его теории служит выражение: «Карта не есть территория».² Действительно, любая карта, лишь символизирует реальную территорию, но какой бы степенью точности карта ни обладала, она никогда не сможет ее заменить. Карта – это знаковая система, текст, который отражает действительность в преломлении сознания картографа, т.е. в зависимости от его целей, ценностей и приоритетов. На одной карте, например, отражаются, прежде всего, культурные достопримечательности, красивые виды, иные туристические объекты; на другой – стратегические дороги и аэродромы. Карты туристические и военные отображают одну и ту же местность, но отражают по-разному.

Это положение можно попробовать использовать как метафору для пояснения коммуникативной сущности права. Действительно, юристы в своей практической деятельности также сталкиваются с такими своеобразными «картами» – например, с законами. Любой юридический закон представляет собой текст. Но текст как знаковая система отсылает к другой реальности, которую он означает, репрезентирует. При этом текст раскрывает свой смысл, становится правовым текстом и источником права только тогда, когда

имеются интерпретирующие его субъекты, способные этот смысл понять и воплотить в своем поведении. Иными словами любой правовой текст существует лишь как звено, элемент системы правовых коммуникаций. Вне коммуникации право вообще невозможно, так как вне коммуникации существует не право, а лишь некоторые материальные объекты: бумага с нанесенной на нее типографской краской, звуки, имеющие определенную высоту и продолжительность (приговор, зачитываемый в суде), перемещение каких-то тел в пространстве (жесты регулировщика) и т.д.

Какую же реальность представляет закон? Насколько применима здесь аналогия с картой? Карта предназначена для того, чтобы ориентировать людей на конкретной территории, в конкретном пространстве. Для того чтобы достичь поставленных целей и успешно взаимодействовать с другими людьми, необходимо из соотнесения символов карты с конкретной территорией вывести необходимые правила поведения, которые позволят достичь искомого цели. Карта не территория, но она должна адекватно отображать территорию, она призвана служить практическим целям, и в этом заключается оправдание ее существования.

Казалось бы, можно исходить из того, что закон, устанавливая правила должного поведения, не зависит от сущего, от социальной реальности. Но невозможность выведения должного из сущего не свидетельствует о независимости должного от сущего, в нашем случае, от социальной реальности. Должное имеет не только формально-логический смысл, но и ценностное значение. Должное не выводится формально-логическим образом, но *понимается* как должное. Для этого недостаточно наличия некоторых исключительно формальных моментов характеризующих правовой текст, такие как его понятность, обращенность к будущему поведению, исполнимость формулируемого им правила, его выводимость из более общего правила и т.д.

Карта – не территория, но она должна соответствовать территории, чтобы быть картой. Если текст закона претендует на наличие в нем правового смысла, то он должен соответствовать определенной правовой «территории», определенному правовому пространству для того, чтобы быть правовым текстом. Это пространство есть пространство правовой коммуникации. В этом смысле можно сказать, что, как карту и территорию, так закон и право связывает в единое целое коммуникация. Без коммуникации ни один из этих элементов в социальном смысле не существует.

¹ Если рассматривать социальную коммуникацию через теорию речевых актов Дж. Остина, то можно сказать, что любая социальная коммуникация основана на речевых актах, имеющих локуцию, иллокуцию и перлокуционный эффект.

² Восходит, по-видимому, к «Логико-философскому трактату Л. Витгенштейна» (см.: *Витгенштейн Л. Философские работы.* – Ч. I. – М., 1994. – С. 8–9).

Что же отличает правовую коммуникацию от других ее разновидностей? Право, как практическая система действия, основано на взаимопонимании, без которого само его существование невозможно. Ведь права нет там, где отсутствует взаимосоотнесенное поведение. Поэтому нет права без информации, структурированной источником права и адресуемой субъектам правовой коммуникации. Но условием правовой коммуникации является не столько содержание информации, и даже не столько ее прескриптивная форма, сколько убеждающая сила, без которой невозможна сама правовая коммуникация как практическое взаимодействие.

Поэтому право есть там, где люди убеждены в том, что оно есть. А убеждены они в этом тогда, когда право становится частью их жизненного мира, пространством правовой коммуникации. Хабитуализация и институционализация права, его признание есть тот момент, который противоположен физической силе в праве, противоположен насилию. Наоборот, именно он создает *силу права* как силу легитимную. Поэтому и принуждение в праве всегда носит легитимный и символический (знаковый) характер (отнюдь не исключая физическое воздействие). Право легитимизируется, в том числе, и символическими средствами. Символы заполняют пробелы в понимании и оправдании права, создаваемые редукцией сложности правой реальности.

Следует подчеркнуть, что сознание и воображение, создающие моноцентристский образ права как порождения государства, не носит стихийный характер и не является исключительно субъективным феноменом. Можно сказать, что оно есть результат символического насилия со стороны государства и общества, насилия символического в том смысле, что оно выражается в формировании правовых текстов, подчиняющих себе сознание членов общества через дисциплинарные практики.¹ Государство приучает своих членов к подчинению, приучает к мысли о своей монополии на правотворчество, и это есть часть правовой социализации. Но это не должно вводить в заблуждение теоретиков и вести к упрощенному видению правовой реальности.

Итак, обязывающая сила права, следовательно, и само право, невозможны без признания его в качестве такого самими субъектами социаль-

ной системы. Но что означает признание права (правовых текстов)? Это есть признание неких общих рамок поведения, т.е. определенных прав и обязанностей, связывающих всех членов общества; признание их «объективного», независимо от индивидуальной воли лица, и социально-значимого (ценностного) характера, понимание их содержания и порядка реализации, включая признание возможности наказания за несоблюдение таких правил.

Но возможно ли признание права без опыта права? Можно ли признавать то, с чем не сталкивался в жизни? Если право определяет поведение субъекта, то можно ли его признавать, не имея опыта такого поведения? Если имеется карта, то можно ли пройти проложенный на ней маршрут, не обращаясь к помощи тех, кто на практике знает, как надо интерпретировать условные знаки карты (превращать условное в реальное поведение)?

Поэтому право легитимизируется не только через *виртуальные* тексты первичных источников права, и не только через политические тексты государственной власти, но и через *актуальные* тексты, создаваемые самой практикой реализации прав и обязанностей. Таким образом, необходимо отметить некую сращенность когнитивного мира человека (как социального субъекта, а не как отдельного индивидуума), его поведения как носителя прав и обязанностей, соотнесенного с поведением других субъектов, и тех текстов, которые эти права и обязанности определяют. В этом и заключается смысл коммуникативного взгляда на право.² Карта – не территория. Но карта имеет смысл только тогда, когда существуют люди, использующие эту карту для ориентации на территории. В конечном счете, здесь действует давно известное правило: не человек для карты, а карта для человека. Но и территория получает смысл территории только тогда, когда имеются субъекты, воспринимающие ее именно таким образом (как территорию) и ориентирующиеся на ней с помощью карты. Точно также обстоит дело применительно к феномену права: ни правовые тексты, ни правовые ценности, ни субъективное правосознание, ни индивидуальные правопритязания не образуют право в качестве разрозненных элементов. То, что их объединяет – это правовая коммуникация, возникающая как intersубъективная реальность, связующим звеном которой являются взаимодействующие субъекты.

¹ См. об этом, напр.: Бурдые П. Дух государства: генезис и структура // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 127–163.

² Ср.: Ван Хоек М. Право как коммуникация // Правоведение. – 2006. – № 2.

Отсюда вытекает и другое важное положение коммуникативного подхода: о наличии или отсутствии права в конкретном обществе следует судить не по наличию или отсутствию законов (своего рода карт), а по наличию или отсутствию *реальных прав и обязанностей* самих членов общества (по наличию правовой коммуникации, вытекающей из интерпретации различных «карт», в том числе, «карт» – законов). Только субъекты, взаимодействующие на основе признанных прав и обязанностей, вытекающих из общезначимых и общеобязательных текстов, находятся в состоянии правовой коммуникации, «создают» право. Права и обязанности онтологически «ближе» к феномену права, чем тексты законов или других правовых актов. Смысл правовой коммуникации как раз и заключается в осмысленной и ответственной реализации человеческой свободы. Это означает, что там, где отсутствует система взаимообусловленных когерентных прав и обязанностей как части жизненного мира данного социума, там отсутствует и право.

Но если карта не есть территория, и если ни одна карта не может репрезентировать всю территорию во всем ее многообразии и многоаспектности; если признать, что любая карта упрощает, схематизирует территорию, редуцирует ее к избранной системе координат, то это означает также, что ни одна территория не может быть представлена во всей полноте одной картой, изготовленной одним картографом. Если карта призвана служить разным людям, помогая им ориентироваться на местности, исходя из разнообразных интересов, целей, потребностей, то общими для всех карт должны быть лишь коды, позволяющие переводить тексты в систему практического взаимодействия. Для того чтобы карта реально служила ориентиром для человеческого поведения, важно не то, кто ее изготовил, а важно насколько точно она отражает действительность, насколько она может рассматриваться как авторитетный источник знания о территории, насколько она может реально определять поведение людей.

Для возникновения права также важно не происхождение «карты» (правового текста), а наличие специального кода, позволяющего общепризнанным способом определять правовое и неправовое, права и обязанности адресатов и действовать соответствующим образом.

Как уже было отмечено, государство обладает определенными возможностями не только контролировать такой код, но во многом его определять. Однако его возможности также ограничены, свидетельством чему является возмож-

ность появления «мертворожденных» законов. Не оспаривается и тот факт, что «карты» (правовые тексты), изданные государством, могут (и должны) содержать перечень тех «объектов», доступ к которым запрещен. Именно государство обладает монополией на наиболее серьезные формы физического принуждения к тем, кто эти запреты будет нарушать. Но это не означает, что такого рода «карты» (правовые тексты) с указанием «спецобъектов», находящиеся на особом режиме, следует отождествлять с феноменом права.

Коммуникативный подход позволяет, по-видимому, под другим углом зрения посмотреть на проблему понимания нормы права. Норму права не следует отождествлять с правовым текстом. Правовой текст как знаковая система дает возможность интерпретирующему этот текст субъекту понять смысл того правила, которое должно стать нормой. Правовая норма – это норма поведения, и нормой правовой коммуникации может стать только такое правило, которое реализуется в поведении субъектов как их права и обязанности. Текст материален и объективен (существует независимо от субъекта). Норма ментальна и intersубъективна. Текст закона, не реализуемый в поведении, позволяет конституировать лишь виртуальную норму, но не норму права в коммуникативном понимании. Это позволяет сделать вывод о том, что для конституирования нормы права недостаточно лишь первичных правовых текстов, интерпретация нормы как правовой возможно только в результате «совмещения» первичных и вторичных правовых текстов, т.е. и тех текстов, которые создаются практикой реализации первичных правовых текстов (например, законов). Актуальная правовая норма, в отличие от нормы виртуальной (существующей лишь в тексте) представляет собой результат интерпретации нескольких правовых текстов, из которых и выводится актуальный смысл правила поведения (например, законов, судебных решений, актов реализации прав и обязанностей). В этом смысле актуальная норма права и правовое отношение не существуют в отрыве друг от друга, но текст закона может существовать вне актуальной правовой нормы.¹

Право существует как становящееся право, находящееся в постоянной динамике текстуально-информационного и энергетико-поведенческого взаимодействия. То, как мы понимаем право,

¹ См. об этом: *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.

споры по поводу права, согласование различных правовых позиций и представлений, борьба за право – все это коммуникативные процессы, обеспечивающие жизнь права и его развитие. Природа правовой коммуникации такова, что, с одной стороны, она способствует унификации права, предполагает выработку общего кода для отличия права от неправа, а с другой стороны, допускает возникновение относительно автономных дополнительных правовых систем, лишь постепенно вовлекаемых в процесс унификации. Это позволяет характеризовать право как самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему.¹ И лишь интеллектуальная редукция, обусловленная специфической позицией наблюдателя, превращает право (в сознании ученого или потребителя) в застывшую систему норм, или, наоборот, в некий набор абстрактных, но разумных и справедливых принципов. Право – это сама социальная жизнь, взятая в специфическом ракурсе, но определение границ права через редукцию сложности неизбежно ведет к упрощенному и фрагментарному его пониманию.

Задача современного правоведения заключается не в том, чтобы полностью исключить всякое упрощение, а в том, чтобы создать такую теоретическую модель правовой действительности, в рамках которой было бы возможно совмещение понимания права с позиций юридической практики (права в жизни) с максимально возможным уровнем научного обобщения, противодействующего его (права) теоретической «фрагментации». Представляется, что возможным вариантом такой теории может быть теория, использующая коммуникативный подход. Повидимому, в рамках такого подхода возможно совмещение эйдетических (трансцендентальных) начал права с его исторически изменчивым содержанием. Для пояснения этой мысли следует обратиться к эксплицитному и имплицитному началам коммуникации.

Сама возможность коммуникации связана, в первую очередь, с ее эксплицитными характеристиками, к каковым можно отнести ясность, четкость, выполнимость, стабильность, авторитетность, перспективность правовых текстов (например, законов), формализованность устанав-

ливаемых ими предоставительно-обязывающих правил, их общезначимость и социальную поддержку (защиту). Но этого недостаточно для ее *полноценного* функционирования, так же как недостаточно и для определения должного в праве. В рамках эксплицитно понятой коммуникации ее субъекты могут действовать исключительно в собственных интересах, используя других субъектов коммуникативного взаимодействия в качестве средств коммуникации. Эксплицитная коммуникация часто превращается в монологическую коммуникацию, в которой отсутствует диалог.

Но коммуникацию можно рассматривать не только как данность, но и как проект, предполагающий стремление к наилучшему воплощению. Если право – это коммуникация, то наилучшие условия для правовой коммуникации, наивысшее качество такой коммуникации и будут определять основные правовые ценности.

Выскажем предположение, что именно *параметрами имплицитной правовой коммуникации* задаются онтологические и аксиологические (трансцендентальные) характеристики права. Это означает, что на вопрос: чем определяется ценность самого права, чем *задаются* правовые стандарты свободы и справедливости – ответ может быть таким: *имплицитными условиями самой правовой коммуникации*. Среди этих ценностей в первую очередь следует выделить признание *человека* основным субъектом права (правовой коммуникации). Такое признание возможно только на основе взаимности, поскольку противоположное поведение исключает саму возможность коммуникации. Это означает, что человек является основным субъектом права не сам по себе, а через свое отношение к другому человеку, т.е. изначально именно в качестве субъекта правовой коммуникации. «Быть субъектом» означает в этом случае «быть в правовом отношении», т.е. находиться в пространстве правовой коммуникации. Такое взаимное признание имплицитно предполагает и признание *духовной сущности* за субъектами коммуникации, т.е. наличие у них разумной способности передавать, интерпретировать и оценивать информацию, а также возможность свободного и ответственного выбора того варианта поведения, который требуется условиями коммуникации. В такой коммуникации другой субъект выступает не средством, а ее (коммуникации) целью (в кантовском смысле).

Если *правовая свобода* выражается в личных *правах субъекта* и представляет собой личную ценность, то ответственность связана с *правовыми обязанностями* и имеет ценность сверхлич-

¹ В этом можно видеть отличие такого, феноменологического-коммуникативного понимания права, от взглядов представителей юснатурализма. Право здесь не «даруется» (природой), а «вырабатывается» в совместной деятельности. Оно – совместный проект, «общее дело», в котором участвует каждый, даже своим неверием в это участие.

ную. В единстве прав и обязанностей, свободы и ответственности, в балансе личных и сверхличных правовых ценностей также выражается идея имплицитной правовой коммуникации.¹

Можно сказать и так: имплицитной целью правовой коммуникации является саморазвитие субъектов коммуникации, так как через такое развитие развивается сама коммуникация. Она становится более совершенной, более эффективной, в наибольшей степени удовлетворяет существующие у коммуникантов потребности. Такое развитие возможно только в правовом пространстве самой коммуникации и не может выходить за его границы, нарушая, например, свободу самоорганизации субъектов других социальных коммуникаций.

¹ Знаменитая максима И. Канта – «относись к другому как к цели твоих действий, и никогда только как к средству» – раскрывает свой подлинный смысл также через идею имплицитной коммуникации. Ведь речь в ней идет не о праве, а об обязанности, вытекающей из взаимного признания. Представляется, что с позиций предлагаемого подхода можно объяснить наличие у одного и того же закона правовых и неправовых признаков *одновременно*. Дело в том, что можно говорить о *правовом законе* применительно к признакам эксплицитной правовой коммуникации и применительно к признакам имплицитной правовой коммуникации. В первом случае закон может считаться правовым при наличии даже минимально необходимых условий для формальной правовой коммуникации (рациональность, легитимность, действенность). Во втором случае для признания закона правовым необходимо его соответствие также признакам закона «высшего качества», исходя из критериев имплицитной правовой коммуникации (максимальная свобода при максимальной ответственности за благо общества, высшая степень справедливости, основанная на исключении каких-либо форм дискриминации, создание наиболее адекватных условий для саморазвития личности и т.д.). В первом случае закон рассматривается как фактический источник права (правовой коммуникации), во втором случае – как источник «должного» права (идеальной правовой коммуникации). Дж. Финнис примерно в этом смысле использовал понятие «фокальное» и «периферийное» право (см. об этом, напр.: *Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford, 2005. – P. 277–281, 363–366*). Понятно, что закон, не участвующий в правовой коммуникации, не может быть назван «правовым» ни в одном из вышеописанных смыслов. Правовой закон как «наилучший» закон есть закон, наиболее точно отражающий необходимый на сегодняшний день баланс личных (индивидуальных) и сверхличных (общественных) ценностей, являясь необходимым основанием для полноценной правовой коммуникации

Правовые тексты, призванные нормативно опосредовать отношения взаимодействующих субъектов, должны быть ориентированы на эти имплицитные условия правовой коммуникации, что обеспечивает их легитимацию.² В этом и будет заключаться их *справедливость*. Справедливость есть соответствие должному в отношениях между людьми (в коммуникации). Подчинение в равной мере всех участников правовой коммуникации ее имманентным (и имплицитным) условиям, также как принцип взаимного признания и взаимной *ответственности*, будет выражать идею *правового равенства*. Таким образом, основные идеи классического правопонимания: свобода, равенство, справедливость сохраняют свое значение в обозначенном подходе, но получают коммуникативное обоснование.³

Сказанное позволяет понять интегральную сущность права в рамках коммуникативной теории. Интегральность с точки зрения рассматриваемого подхода предполагает не смешение разных признаков права, признаваемых теми или иными теоретиками, а определение позиции, с которой эти разные признаки оказываются элементами целостного правопонимания. Такой позицией является взгляд на право как на феномен коммуникации. Коммуникация – это то, что соединяет законы и другие источники права с внутрен-

² Ср.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000. – С. 104.

³ См. об этом, напр.: *Поляков А. В.* Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // *Права человека: вопросы истории и теории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции.* – СПб., 2004. – С. 3–28. Интересна в данном контексте позиция современного исследователя А.А. Мережко. Ученый обращает внимание на выводы, которые, по его мнению, вытекают из концепции генеративной грамматики американского лингвиста и философа Н. Чомски (N. Chomsky) более известного в России как Н. Хомски. Мережко пишет: «Исходя из теории генеративной грамматики Чомски, можно выдвинуть ряд гипотез в отношении права: во-первых, каждый человек обладает врожденной способностью к праву; во-вторых, существует некое универсальное, генеративное право, крениющееся в природе человека и служащее фундаментом всех национальных систем права, из которых произрастают общие принципы права, лежащие в основе всех систем права; в-третьих, это врожденное, генеративное право как раз и является прообразом естественного права, без которого было бы невозможно объяснить факт общения и взаимодействия представителей разных культур и народов» (*Мережко А.А.* Введение в философию международного права. Гносеология международного права. – Киев, 2002. – С. 35–36).

ним миром субъектов, с их ценностными представлениями и религиозными верованиями, определяет их взаимодействие и взаимопонимание.

Право существует как коммуникативная нерасчлененная целостность. Именно поэтому слово «право» используется и применительно к законам, и к субъективным правам, и к идее справедливости. Лишь аналитическая деятельность сознания расчленяет ее в уме на составные части: тексты, законы, нормы, ценности, отношения и т.д. При этом смысл права с целостности переносится на части (элементы), которые абсолютизируются и противопоставляются другим элементам целостности. Если исходит из взгляда на право как на коммуникацию, то спор о том, что такое право – норма закона, отношение или некая формальная ценность – теряет свой смысл. Коммуникация объединяет (точнее, конституирует) и то, и другое, и третье, давая возможность понять право как целостностное многоединство, в основе которого лежит идея развития целого через развитие его элементов.

Список литературы

1. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – СПб.: Алетейя, 1999.
2. Ван Хоек М. Право как коммуникация // Правоведение. – 2006. – № 2.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. I. – М., 1994.

4. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001.

5. Мережко А. А. Введение в философию международного права. Гносеология международного права. – Киев, 2002.

6. Микешина Л. А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // Вопросы философии. – 2006. – № 1.

7. Наука глазами гуманитария. – М., 2005.

8. Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Права человека: вопросы истории и теории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. – СПб., 2004.

9. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.

10. Поляков А. В. Теоретико-правовой ренессанс начала XX в.: Основные школы и направления; Правовые учения «Русского зарубежья» // История политических и правовых учений. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та. Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007.

11. Субъект, познание, деятельность. – М., 2002.

12. Степин В. С. Теоретическое знание. – М., 2003.

13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000.

14. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford, 2005.

15. Law and Justice in a Global Society / Ed. Escamilla M., Saavedra M. – Granada, 2005.

О. В. Поляков

КОМУНІКАТИВНИЙ ПІДХІД В ЗАГАЛЬНІЙ ТЕОРІЇ ПРАВА

Доповідь присвячено представленню комунікативного підходу в загальній теорії права. Автор виходить із припущення: право – саме і є видом соціальної комунікації, суб'єкти якої на основі інтерпретації правових текстів реалізують свої права і обов'язки. Наявність у правовій комунікації експліцитної і імпліцитної сторін дозволяє виділити формальні і ціннісні підстави права.

A. V. Polyakov

COMMUNICATIVE APPROACH IN THE GENERAL THEORY OF LAW

The paper is dedicated to the representation of the communicative approach in the general theory of law. The author begins with the assumption that law is a kind of social communication whose subjects exercise rights and perform duties based on the interpretation of legal texts. The fact that legal communication has explicit and implicit sides allows us to distinguish the formal and the value-laden foundations of law.